Научная статья /
Research Article

https://elibrary.ru/RWPKDV
УДК 82.09
ББК 83

СУДЬБЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ТВОРЧЕСТВА Л.Н. ТОЛСТОГО (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСКИ Н.К. ГУДЗИЯ С В.А. ЖДАНОВЫМ И Э.Е. ЗАЙДЕНШНУР). СТАТЬЯ ПЕРВАЯ: ВОЕННЫЕ ГОДЫ (1942–1945)

© 2024 г. М.А. Фролов
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия
Дата поступления статьи: 10 августа 2023 г.
Дата одобрения рецензентами: 19 ноября 2023 г..
Дата публикации: 25 декабря 2024 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-4-342-367

Благодарности: Автор сердечно благодарит за разрешение познакомиться с архивными материалами и разнообразную помощь в подготовке статьи заведующего Отделом редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ им. М.В. Ломоносова А.Л. Лифшица и всех сотрудников Отдела, а также заведующего Отделом рукописей Государственного музея Л.Н. Толстого С.Д. Новикову, ведущего научного сотрудника Н.А. Калинину и хранителя рукописей писателя Т.Г. Никифорову.
Аннотация: В статье, основанной на ранее неизвестных и впервые вводимых в научный оборот архивных материалах, представлена история личного и эпистолярного общения трех выдающихся литературоведов и текстологов — Н.К. Гудзия, В.А. Жданова и Э.Е. Зайденшнур. Публикуемая переписка позволяет читателю понять и почувствовать, в каких условиях и при каких подчас затруднительных обстоятельствах проходила их титаническая научная работа, требовавшая максимальной сосредоточенности, полной самоотдачи и стойкости, непреклонной воли в отстаивании своей позиции, а также нравственных и научных принципов. Их многолетняя деятельность по изучению и подготовке к печати материалов биографии и литературного наследия Л.Н. Толстого вписана в контекст событий политической, общественной и научной жизни страны, в контекст разворачивавшихся дискуссий в печати и в научном сообществе. Спор о важнейших проблемах толстовской текстологии, приведший в конечном счете к разрыву личных отношений, к общему неудовольствию и разочарованию корреспондентов, также является одной из основных тем публикуемых материалов.
Ключевые слова: Н.К. Гудзий, В.А. Жданов, Э.Е. Зайденшнур, А.И. Белецкий, Н.Н. Гусев, В.Г. Чертков, Л.Н. Толстой, «Анна Каренина».
Информация об авторе: Максим Андреевич Фролов — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9694-6583
E-mail: maximfam@mail.ru
Для цитирования: *Фролов М.А.* Судьбы исследователей творчества Л.Н. Толстого (по материалам переписки Н.К. Гудзия с В.А. Ждановым и Э.Е. Зайденшнур). Статья первая: военные годы (1942–1945) // Studia Litterarum. 2024. Т. 9, № 4. С. 342–367. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-4-342-367

Studia Litterarum,
vol. 9, no. 4, 2024

THE FATES OF TOLSTOY SCHOLARS (ON THE CORRESPONDENCE OF N.K. GUDZIY WITH V.A. ZHDANOV AND E.E. ZAYDENSCHNUR). ARTICLE ONE: WAR YEARS (1942–1945)

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Received: August 10, 2023
Approved after reviewing: November 19, 2023
Date of publication: December 25, 2024

Acknowledgements: The author sincerely thanks A.L. Lifshits, head of Department of Rare Books and Manuscripts of the Scientific Library of Lomonosov Moscow State University, and all employees of the Department, as well as S.D. Novikova, head of Department of Manuscripts of the State Museum of L.N. Tolstoy, N.A. Kalinina, leading research fellow, and T.G. Nikiforova, keeper of the writer's manuscripts, for permission to get acquainted with archival materials and various assistance in preparing the article.
Abstract: Based on previously unknown and for the first time introduced into scientific circulation archival materials, the article presents the history of personal and epistolary communication of three outstanding literary critics and textual critics — N.K. Gudziy, V.A. Zhdanov, and E.E. Zaydenshnur. The published correspondence allows the reader to understand and feel under what conditions and under what sometimes stressful circumstances their titanic scientific work took place, which required maximum concentration, complete dedication, perseverance, unbending will in defending the position, as well as moral and scientific principles. Their many years of activity in the study and preparation for publication of materials of the biography and literary heritage of L.N. Tolstoy are closely connected with the context of events in the political, social, and scientific life of the country, with the context of the ongoing discussions in the press and the scientific community. The dispute about the most significant problems of Tolstoy's textology, which ultimately led to the rupture of personal relations to the general displeasure and disappointment of correspondents, is also one of the main topics of published materials.
Keywords: N.K. Gudziy, V.A. Zhdanov, E.E. Zaidenshnur, A.I. Beletsky, N.N. Gusev, V.G. Chertkov, L.N. Tolstoy, *Anna Karenina*.
Information about the author: Maxim A. Frolov, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9694-6583
E-mail: maximfam@mail.ru
For citation: Frolov, M.A. "The Fates of Tolstoy Scholars (On the Correspondence of N.K. Gudziy with V.A. Zhdanov and E.E. Zaydenschnur). Article One: War Years (1942–1945)." *Studia Litterarum*, 2024, vol. 9, no 4, pp. 342–367. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-4-342-367

Многолетняя история личного и эпистолярного общения Николая Каллиниковича Гудзия (1887–1965) с Владимиром Александровичем Ждановым (1898–1971) и Эвелиной Ефимовной Зайденшнур (1902–1985) представляет научный интерес во многих отношениях — прежде всего потому, что речь идет о выдающихся ученых-текстологах, внесших в изучение наследия Л.Н. Толстого особый вклад, до сегодняшнего дня не потерявший своего значения. Кроме того, переписка позволяет читателю понять и почувствовать, в каких условиях и при каких подчас затруднительных обстоятельствах проходила их титаническая работа, требовавшая не только максимальной сосредоточенности и полной самоотдачи — к этому все участники публикуемой переписки были полностью готовы, уже в молодости осознав свое призвание, — но и стойкости, непреклонной воли в отстаивании своей позиции, а также нравственных и научных принципов. Заметим: даже если это в конечном итоге, как в случае с героями этой публикации, приводит к разрыву личных отношений, к общему неудовольствию и разочарованию корреспондентов. Об истории этих отношений и о причинах их окончательного разрыва мы попытаемся рассказать в нашей работе, основываясь на материалах переписки, сохранившихся в трех московских архивах — Отделах рукописей Российской государственной библиотеки и Государственного музея Л.Н. Толстого, а также в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ им. М.В. Ломоносова.

Личное знакомство Гудзия со Ждановым и Зайденшнур произошло в конце 1920-х гг., но дружеские связи и тесное общение упрочились позднее, к середине 1930-х гг. К этому периоду за плечами Гудзия было немало научных работ, которые вывели его в первые ряды отечественных специа-

листов по творчеству Толстого, в частности — напечатанные в 1928 г. статьи «Толстой и Лесков» [3] и «Молодой Толстой и цензура (Цензурная история рассказа "Севастополь в мае 1855 г.")» [5]. Проблемы творческой истории произведений писателя еще во второй половине 1920-х гг. плотно вошли в круг научных интересов Гудзия, со временем став в ряд центральных тем его исследовательской деятельности. Этому немало способствовала и работа по изучению биографии и наследия Толстого, развернутая под руководством Гудзия в Государственной академии художественных наук, где ученый заведовал Подсекцией истории русской литературы при Литературной секции в 1923–1929 гг.[1] Наконец, к 1936 г., когда из печати вышли т. 27 и т. 32 Юбилейного Полного собрания сочинений писателя, включившие подготовленные ученым тексты «Воскресения», «Крейцеровой сонаты», «Плодов просвещения», «Дьявола» с его текстологическими пояснениями и научными комментариями, Гудзий опубликовал еще несколько статей, занявших заметное место в обширной литературе о Толстом [2, с. 153–160]. В 1934–1939 гг. и в начале 1950-х гг. Гудзий принял ближайшее участие в подготовке еще девяти томов Юбилейного издания, включивших отредактированные и прокомментированные им лично или совместно с коллегами тексты «Анны Карениной», черновые редакции и варианты «Воскресения», тексты целого ряда художественных и публицистических сочинений малой формы 1880-х, 1904–1906 гг. Помимо этого, в наследии Гудзия насчитывается еще несколько десятков более поздних статей и публикаций, посвященных Толстому. К началу 1960-х гг. относится участие ученого в академических изданиях, включая научную редактуру томов, содержавших повесть «Казаки» и роман «Воскресение», вышедших в 1963–1964 гг. в серии «Литературные памятники».

Что касается Жданова и Зайденшнур, ведущих текстологов своего времени, то к началу 1930-х гг. толстовская тема присутствовала в их жизни и научной работе уже целое десятилетие. Жданов, стоявший у истоков Государственного музея Л.Н. Толстого и с 1920 г. являвшийся его сотрудником, в 1928 г. опубликовал книгу «Любовь в жизни Льва Толстого», отличавшу-

1 В основе упомянутой выше статьи 1928 г. «Толстой и Лесков» [3] и еще одной фундаментальной работы Гудзия, увидевшей свет в 1929 г., «Толстой о русской литературе» [4], лежат одноименные доклады, прозвучавшие на заседаниях в ГАХН в 1927 и 1928 гг. Нами опубликованы протоколы этих заседаний, см.: [13, с. 58–65].

юся корректностью тона и тактичностью в повествовании. За этой книгой последовали многочисленные публикации и статьи, участие в Юбилейном издании (подготовка, вместе с коллегами, шести томов писем Толстого), многолетняя редакторская и текстологическая работа, увенчавшаяся в 1950–1960-е гг. выходом нескольких монографий и статей, посвященных творческой истории произведений писателя — «Анны Карениной», «Воскресения», «Крейцеровой сонаты» и «Отца Сергия». Обращаем внимание, что темы исследований Гудзия и Жданова очень часто пересекались, и младший коллега неизбежно шел «по следам» старшего [6; 7; 8; 9].

Жизнь и работа Зайденшнур более шести десятилетий была связана с Государственным музеем Л.Н. Толстого (войдя в музейный коллектив в 1924 г., уже через год она стала младшим, а еще через несколько лет — старшим научным сотрудником, работая в музейной библиотеке). С самого начала 1930-х гг. Зайденшнур сотрудничала с редакцией Юбилейного издания. А в 1937 г. увидела свет ее первая большая научная работа «Портрет Катюши Масловой. К лаборатории творчества Толстого» [11]. Уже в этот период обратили на себя внимание коллег ее исключительная одаренность, эрудиция и тщательность, которые проявлялись во всем: в библиографии, архивной, текстологической и редакторской работе, в общении с коллегами. Впоследствии, помогая своему ближайшему коллеге, соавтору и будущему супругу Жданову в установлении творческой истории и текста двух упомянутых выше романов писателя, она избрала центральное произведение в наследии Толстого — «Войну и мир» — своей, можно сказать, «персональной», почти «личной» темой, а задачу установления критического текста романа и реконструкции подробной «истории писания и печатания» произведения (цитируем название одной из ее обширных статей) — целью, достижению которой были подчинены годы кропотливого труда [10; 21].

Стремясь к объективной оценке сути и причины разрыва отношений Гудзия со Ждановым и Зайденшнур, произошедшего в 1963 г., мы склонны видеть главную его причину в особом складе личности Жданова, в его неукротимом, страстном темпераменте, не раз становившемся благодатной почвой для развития конфликтных ситуаций. И бескомпромиссность Зайденшнур, даже тогда, когда сама ситуация требовала от нее готовности попытаться если не принять, то во всяком случае понять доводы противоположной стороны, тоже отнюдь не способствовала их разрешению. Соли-

дарность ее со Ждановым, объяснимая биографически, житейски, не всегда имела под собой только и исключительно научные основания.

Приведем один пример, хронологически предшествовавший публикуемой переписке. Он относится к 1934 г. и связан с работой Редакторского комитета по изданию Юбилейного Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого, полноправным членом которого Гудзий стал уже в январе 1931 г. [22, л. 4 об.]. На заседании 16 февраля 1934 г., которое было посвящено докладу Гудзия — рецензента т. 77 (письма 1907 г.), подготовленного к печати Ждановым, последний сделал следующее заявление: «...в работах по 77 тому, как и во всех предыдущих редактируемых им томах, принимала участие сотрудница Толстовского музея Э.Е. Зайденшнур, которую он и предлагает утвердить в качестве соредактора с вынесением ее имени на титул книги. Мотивировку этого предложения В.А. Жданов дает в особом письменном заявлении на имя гл<авного> редактора и рецензента тома» [23, л. 21 об.].

В дальнейшем ход заседания развивался следующим образом: «В.Г. Чертков по поводу предложения В.А. Жданова указывает, что, отдавая должное работе помощника редактора, Э.Е. Зайденшнур и отмечая эту работу самым подробным образом в предисловии к тому, в данном случае невозможно согласиться на утверждение ее в качестве соредактора на том основании, что возложенные на В.А. Жданова Редакторским комитетом редакторские функции он не мог передавать никакому другому лицу, без ведома и согласия на то Редакторского комитета, и если в процессе работы фактически такая передача частично имела место, то, тем не менее, В.А. Жданов остается единственно ответственным перед Комитетом за представленную работу в целом, независимо от того, при участии каких лиц она была произведена <...>. По поводу предложения редактора тома В.А. Жданова Н.Н. Гусев поддерживает высказанную В.Г. Чертковым точку зрения. К.С. Шохор-Троцкий и Н.К. Гудзий по последнему вопросу высказываются в пользу предложения В.А. Жданова, причем Н.К. Гудзий считает необходимым, в случае положительного решения, сделать оговорку о том, что в дальнейшем подобные заявления со стороны редакторов, ставящие Комитет перед совершившимся фактом в последний момент перед сдачей тома в производство, не будут рассматриваться Комитетом. Эта оговорка вызывает возражения со стороны К.С. Шохор-Троцкого. Н.С. Родионов, считая необходимым для положительного разрешения подобного вопроса

единогласное Постановление Редакторского комитета, ввиду разделившихся мнений и несогласия гл<авного> редактора В.Г. Черткова, не находит возможным принять предложение В.А. Жданова. Большинством трех голосов против двух предложение В.А. Жданова отклоняется. В.А. Жданов делает новое заявление о том, что ввиду принятого Комитетом решения, он не находит удобным и возможным для себя не только дать свое имя в качестве редактора тома, но и передать отредактированный том в Гл<авную> редакцию; он объявляет договор с ним расторгнутым» [23, л. 21 об. – 22][2]. В последующих заседаниях члены комитета к этому вопросу не возвращались, но в вышедшем в 1956 г. т. 77 имя Зайденшнур заняло свое место рядом с именем Жданова на титульном листе.

Первое из сохранившихся писем принадлежит Жданову. Датировано оно 4 марта 1942 г. и отправлено из Томска, где находился в эвакуации бесценный фонд толстовских рукописей и сопровождавший их ученый, остававшийся их бессменным хранителем в Томском государственном университете до конца войны. Гудзий жил в это время в Свердловске, куда был эвакуирован в октябре 1941 г., и преподавал в местном педагогическом университете до начала осени следующего года, когда Московский государственный университет, эвакуированный первоначально в Ашхабад, был переведен в Свердловск, включив в свой состав ИФЛИ. С этого момента и до возвращения в Москву в мае 1943 г. Гудзий работал в университете в звании профессора и в должности декана филологического факультета — до октября 1944 г. [1, с. 425].

Зайденшнур, оставшись в Москве, разделила с городом все его трагические испытания — вместе с другими сотрудниками следила за безопасностью московского музея и находившихся в нем экспонатов. В 1942 г. она участвовала в восстановлении Музея-усадьбы «Ясная Поляна», пережившего кратковременную, но разрушительную по своим последствиям, варварскую немецкую оккупацию [12, с. 429–430].

2 Упомянутое в протоколе письменное заявление Жданова на имя В.Г. Черткова и Н.К. Гудзия от 6 февраля 1934 г. см.: [19, л. 4]. Справедливости ради обратим внимание на похожий эпизод, относящийся к ноябрю 1934 г. Когда на заседании Редакторского комитета, состоявшемся 10 ноября, Н.Н. Гусев обратился к коллегам с просьбой обозначить имя его супруги и личной помощницы В.Д. Пестовой на титульном листе т. 27 с формулировкой «при участии», они удовлетворили его просьбу [23, л. 33, 34].

Узнал вчера Ваш адрес от С.М. Брейтбурга[3] и захотелось послать Вам привет. С.М. прочитал мне Ваше письмо — знаю о Вашей жизни и планах, хотя, правда, очень уж скупо Вы пишете обо всем.

Очень ли нарушена Ваша научная деятельность или наоборот?

Мы стараемся время не терять и работаем много. Я с огромным увлечением занимаюсь «Ан<ной> Карен<иной>».

Ничего не знаю о Николае Сергеевиче. Есть ли у Вас сведения о нем?

Был бы очень рад получить от Вас весточку [18, л. 1].

В письме упомянуты общий друг и коллега Гудзия и Жданова по юбилейному толстовскому изданию, его «летописец» и «архивариус», ответственный секретарь Редакторского комитета, историк литературы Николай Сергеевич Родионов (1889–1960), а также литературовед Семен Моисеевич Брейтбург (1897–1970), находившийся вместе со Ждановым в эвакуации в Томске и работавший деканом филологического факультета в Томском государственном педагогическом институте.

Гудзий откликнулся 10 марта ободряющим письмом, скрашенным доброй иронией. В нем он, в частности, рассказал о том, что его звали в Ташкент и Ашхабад, куда был эвакуирован ИФЛИ (в котором Гудзий преподавал перед войной), а также одобрил замыслы и исследовательские намерения Жданова:

3 Предположительно 31 января 1942 г. Брейтбург отправил Гудзию первое письмо из Томска в Свердловск: «...был у меня вчера Александр Иванович <Белецкий> и обрадовал меня, что знает Ваше местоположение, а сегодня я получил письмо от Николая Николаевича <Гусева> — с тем же сообщением. А меня, по правде сказать, все время беспокоило это, т. к. я хорошо помню невеселое Ваше настроение 16 октября в Союзе писателей. Рад, что у Вас все относительно благополучно. Вы, вероятно, читали — я видел это на днях в “Советской Сибири” — о слиянии ИФЛИ с МГУ и о начале занятий 2-II в Москве. Но это, как Вам, по-видимому, известно, — лишь часть <...> слившихся учебных заведений. Остальные — в Ашхабаде, где (по косвенным данным) ректором МГУ — <И.С.> Галкин. Что Вы предпринимаете для возобновления взаимоотношений с этим старо-новым учебным заведением? Я бы вернулся сегодня же, если бы представилась такая возможность. Если что-нибудь знаете об этом более подробно и определенно — не напишете ли? <...> Не нужно ли чего-нибудь лично Вам в К<омитете по делам> В<ысшей> Ш<колы>? Я близок ныне к этому учреждению» [15, л. 1–1 об.]. Письмо датируется нами по содержанию: Брейтбург упоминает сообщение «В Московском университете», напечатанное в газете «Советская Сибирь» 29 января.

> Приветствую очень Вашу работу над «А<нной> К<арениной>». Стоит поработать. Жду от Вас хорошей диссертации о подруге Вронского[4] [17].

Обмен письмами в апреле был вызван скорбным известием о гибели в блокадном Ленинграде их общих знакомых и коллег. Жданов писал 8 апреля:

> Только что получил известие о смерти Гиппиуса, Комаровича и Энгельгардта[5]. Первая мысль — написать Вам и попросить подробностей об их потрясшей меня смерти. В Ленинграде? От истощения? Если знаете, сообщите. Особенно жалко мне В.В. Гиппиуса, к<оторо>го я хорошо узнал по работе над Гоголем.
>
> Что нового в Вашей жизни? [18, л. 2]

Гудзий отвечал 27 апреля:

> И я очень удручен смертью и Б.М. Энгельгардта и В.В. Гиппиуса. Точно не знаю обстоятельств их болезни и смерти, но думаю, что от истощения. Когда вернусь в Москву, не знаю. Один мог бы вернуться, вероятно, и теперь, но оставлять семью в Свердловске без себя не решаюсь. Если придется зимовать здесь, предпочту перебраться в Ташкент [17].

Летом 1942 г. переписка, оборвавшись лишь на полтора месяца, возобновилась. И поводом для этого послужил полученный Ждановым книжный подарок Гудзия. 10 июня датировано письмо, выражающее благодарность за него и уже более подробно излагающее события жизни и научной

4 То есть об «Анне Карениной».

5 Упомянуты литературоведы, погибшие в Ленинграде от болезней и истощения в первую блокадную зиму: Василий Васильевич Гиппиус (1890 – 7 февраля 1942), с которым Гудзий был знаком с 1917 г., а с начала 1920-х гг. активно переписывался; Жданова связывала с ним работа в редакции Полного собрания сочинений Н.В. Гоголя в 14 томах, начатого изданием в 1937 г., где Гиппиус был заместителем главного редактора, а Жданов и Зайденшнур впоследствии подготовили текст «Мертвых душ» и комментарии к нему; Василий Леонидович Комарович (1894 – 17 февраля 1942), принимавший ближайшее участие в подготовке гоголевского издания; Борис Михайлович Энгельгардт (1887 – 25 января 1942) в 1934 г. по инициативе Гудзия вошел в число редакторов Юбилейного издания Толстого — ему была доверена подготовка к печати трактата «Что такое искусство?» [23, л. 24 об.].

работы Жданова. Оно же ввело в публикуемую нами переписку и полемический контекст, который год от года будет занимать в ней все более значительное, самодовлеющее положение:

> Давно уже получил от Александра Ивановича Вашу книжечку с приятной надписью[6].
>
> Очень хорошо, что Вам удалось издать ее.
>
> Продолжаете ли Вы научную работу на чужбине или, как в Москве, задавлены текущими педагогическими занятиями? Как хотелось бы первого!
>
> Я буквально поглощен «Анной Карениной». Безотрывно занимался зиму, весну, продолжаю и теперь. Я говорил Вам еще в Москве, что мне приходится полемизировать с Вами (т. 20). Как жалко, что нас разделяет расстояние и нельзя лично поговорить и показать Вам свои замечания[7].
>
> Все только и думают о возвращении в Москву, а мне и думать об этом не приходится [19, л. 8].

Ответ Гудзия, располагающий к откровенному разговору, последовал 23 июня:

> Получил Вашу открытку от 10/VI. Почему Вы интригуете меня и не напишете, в чем Вы существенно расходитесь со мной по поводу «А<нны> К<арениной>»? Меня очень это занимает. Вы пишете очень тактичные открытки. Почему бы Вам не побаловать меня человеческими письмами? <...>
>
> У нас большая новость — из Ашхабада переводится сюда МГУ, т. е. гора идет к Магомету. Но это может отдалить время моего возвращения в Москву [17].

6 От литературоведа Александра Ивановича Белецкого (1884–1961), находившегося в эвакуации вместе со Ждановым, была получена брошюра Гудзия «Лев Толстой» (1942), выпущенная в Свердловске.

7 Речь идет о работе Жданова над кандидатской диссертацией «Творческая история “Анны Карениной”» (защищена в 1943 г. в Томске), в исправленном и значительно дополненном виде изданной в виде монографии в 1957 г. [7]. Критические замечания, о которых упоминает Жданов, относятся к т. 20 Юбилейного издания, вышедшему в свет в 1939 г. В этом томе Гудзий опубликовал подготовленные им черновые редакции и варианты «Анны Карениной», сопроводив их обстоятельными комментариями [24].

15 октября, отвечая на несохранившееся письмо Жданова (очевидно, предваряющее обещанную им отправку работы, содержащей критику т. 20 Юбилейного издания), Николай Каллиникович писал:

> Я с большим интересом прочту Вашу критику на мое издание и мой коммент<арий> к «Анне Карениной». В Москве я был во второй половине августа и в начале сентября, а затем вернулся в Свердловск, где встретился с МГУ, переехавшим сюда из Ашхабада. Жду рукописи! [17][8]

Когда был подготовлен первый раздел работы, Жданов, несмотря на трудности военного времени, смог решить вопрос с ее перепечаткой (конечно, в пределах имевшихся у него возможностей), и 6 декабря 1942 г. отправил для знакомства Гудзию[9], к мнению которого он прислушивался:

> Посылаю Вам две главы из своей работы. Ее заглавие: «Творческая история А<нны> Кар<ениной>. Разд. I. От замысла к сюжету». В ней проведен анализ только первых двух частей романа, но и то объем исследования получился очень большой — 300 стр. на машинке <...>
>
> Ваше мнение, конечно, было бы самым для меня авторитетным, но нет никакой возможности переслать Вам полный экземпляр: посылки не принимают, а бандероль может затеряться.

8 14 августа Брейтбург сообщал Гудзию подробности о судьбе учебных заведений, находившихся в эвакуации: «...сегодня к нам в Томск приехал завед<ующий> отделом университетов московск<ого> “филиала” ВКВШ, кот<орый> сообщил, что переезжающая часть МГУ из Ашхабада отнюдь не будет слита со Свердловским у<ниверсите>том (как предполагали у нас), а, наоборот, будет жить полной жизнью до момента возможного возвращения на постоянное свое пепелище. Он же сказал мне, что Вы уже деканствуете сызнова... Ну, что ж, — все же, если мне удастся возвратиться раньше Вас в М<оскву>, я все-таки не премину “напомнить” всем, чтобы Вас вызвали (разумеется, если Вы на то меня уполномочите)... Я же не перестаю мечтать об этом в отношении себя, и мечты эти, кажется, не совсем безосновательны. Тем более, что поговаривают, что Томский пединститут, где я завед<ующий> кафедрой, может быть, закроется в случае недостаточного набора на предстоящий год» [15, л. 2].

9 Эта посылка была предупреждена кратким посланием Жданова, которое можно датировать второй половиной ноября 1942 г.: «Я закончил 1-й раздел своей работы об “Анне Карениной”. Объем получился большой — листов 10 (только анализ первых двух частей) <...>. Но мне все же очень хочется показать Вам хоть ту главу, в к<отор>ой много места уделено критике 20 тома. Ее скоро перепишут, а я не знаю, куда Вам посылать» [19, л. 56 об.].

Первые две главы, к<отор>ые посланы Вам, очень мало дают впечатления о работе в целом. К тому же, без предшествующего им предисловия и они теряют свое значение. Только потому и решаюсь послать их отдельно, что в них заключена большая часть критических замечаний на 20-й том.

Хочу быть откровенным. Меня немножко мучает, что в этой работе пришлось критиковать Вашу работу. Как ни примеривал, без рассмотрения этого вопроса обойтись было невозможно.

Если у Вас окажутся существенные возражения, которые нам с Вами не удастся согласовать, то, может быть, придется этот спор оставить до лучших времен и критику или совсем опустить или оставить условно.

Не будет ли у Вас какой-нибудь оказии для доставки полной рукописи в Свердловск и, конечно, возвращения ее сюда? [19, л. 9–9 об.]

Письмо Гудзия с разбором работы Жданова датировано 22 декабря. Оно выражало как недоумение и несогласие со своим оппонентом, так и огорчение тем, что, в силу объективных обстоятельств, обусловленных трудным военным временем, работа оказалась перепечатана настолько неудовлетворительно, что Гудзий не смог в полной мере с ней ознакомиться:

Я получил Вашу рукопись и письмо.

Прежде всего, с огорчением должен Вам сказать, что рукопись в огромной своей части не поддается прочтению: настолько слепо она напечатана. У меня хватило сил и догадки лишь для того, чтобы уразуметь не более 1/5 ее текста.

Но и эта 1/5 весьма удивила меня тоном. Вы снисходительно заявляете о том, что, в общем, очень несовершенная подача мной материала все же кое для чего может пригодиться, но издание и редактирование вариантов сделано очень плохо. Таков смысл Ваших разносных замечаний по моему адресу.

Благодаря неудобочитаемости машинописи, а еще больше — благодаря отсутствию у меня под руками рукописей «А<нны> К<арениной>» я не могу с полной доказательностью спорить с Вами по целому ряду Ваших положений, хотя и допускаю, что иные из них вносят существенные поправки в мои наблюдения и в отдельных случаях даже опровергают их.

При той огромной работе в короткий сравнительно срок, какую мне пришлось проделать по разбору рукописей и их переписке (делал я все это

почти исключительно сам: помощь В.А. Гончарова на деле оказалась лишь помехой), возможны и ошибки, даже существенные в тех или иных частностях; возможны и недосмотры. Но не из одних же ведь недостатков состоит 20-й том, как и прочие тома, мною редактированные. А Вы пишете так, как будто за дело взялся совсем неподготовленный и небрежный редактор, который всюду напутал. Всякому, кто работал и будет работать после меня, в том числе и Вам, легче будет уточнить массу деталей, чем мне, распахивавшему, что называется, целину.

Смею думать, что и публикация вариантов, и описание рукописей, и статья по истории создания «А<нны> К<арениной>» содержат в себе немало полезного и доброкачественного.

А теперь по существу. Я сам долго думал о том, что считать первым приступом к роману — «Молодец-баба» или конспект романа с фамилией Ставровичей, — и пришел к выводу о первенстве рукописи «Молодец-баба». Ваши чисто логические соображения мне не представляются непогрешимыми, в частности указание Ваше на то, что неправдоподобно, чтобы Т<олстой> сначала ввел фамилию «Каренин», а затем «Ставрович». Но почему же в «Мол<одец>-баба» фигурирует Облонский, а в позднейших рукописях — Алабин? Почему на смену Ордынцеву, затем фигурирующему неоднократно, вдруг один раз появляется Нерадов? Только в р<у>к<описи> «Молодец-баба» и в той, которую я считаю 2-й, а Вы 3-й, Анна изображена некрасивой женщиной. Правдоподобно ли, чтобы Т<олстой> в самом раннем приступе изобразив ее красивой, как и всюду потом в романе, вдруг превратил бы ее в дурнушку, как в рук<описи> «Молодец-баба»? Обратите внимание на то, что в рук<описи> № 4 (по моему счету, по Вашему — самой ранней) вместо зачеркн<утого> Нильсон — Виардо, а вместо «дипломат» — «адъютант»[10*]. Нильсон и «дипломат» как раз — в рук<описи> «Молодец-баба». Обратите внимание и на то, что на стр. 26 (т. 20) «Татьяна» появляется вместо зачеркнутого «Анна».

Не понимаю, почему рук<опись> № 4 частично не могла быть использованной при комбинации рук<описей> №№ 2 и 19, не будучи первоначальной: ведь р<у>к<опись> № 2 («Мол<одец>-баба»), как я и указываю, потом была использована в новой толстовской комбинации.

10 * Правда — дальше опять не зачеркнутый «дипломат» (*примеч. Н.К. Гудзия*).

Не возражаю против того, что рук<опись> 19 явилась прямым продолжением рук<описи> № 2, но можно ли думать, что название «Молодец-баба» относится к тексту обеих рукописей? Далее — я ведь размещаю варианты не в хронологическом порядке — в основном — а в порядке следования сюжета, т. к. хронологическое размещение вариантов в ряде случаев очень затруднительно.

М. б., Ваши соображения о «каскадности» и правильны, но по Вашей рукописи я не в состоянии был добраться до смысла написанного: машинопись не поддается чтению. Вы указываете на то, что я прозевал фразу: «Врасский, здравствуй». Не могу спорить, не имея рукописи. Не описка ли Т<олсто>го «Врасский» вм<есто> «Вронский»? Ведь в самом начале стр. 18 (у меня) написано: «сказал он, увидав входившего Вронского». Или тут тоже «Врасского» или «Вр<онского>»? Вы правы, что последние 3 строчки вар<ианта> № 2 («Муж княгини Бетси...») у меня не на месте. Что касается двух Кити в вар<ианте> № 1 («Мол<одец>-баба»), то, вероятно, здесь описка Толстого (дальше Кити — сестра Кар<ениной> — исправл<ена> на Мари); возможно, что тут и позднейшая добавка[11].

Как же я должен был размещать планы романа? Ведь при описании рук<описей> я оговариваюсь, что они разновременны. Как при печатании вариантов можно было точно определить место приписок на полях, чего Вы требуете?

11 Ср. в тезисах диссертации Жданова: «Легенда о первом наброске (“Все смешалось в доме Облонских”) разбита новейшими изысканиями редактора академического издания, выдвинувшего в качестве первого варианта отрывок “Молодец-баба”. Последующий анализ рукописей отодвигает этот вариант на второе место, доказывая, что первой редакцией является вариант Ставровичей <...>. Искание имен и фамилий основных персонажей — одно из доказательств приурочения “Молодец-баба” ко второй редакции, т. е. к начальной стадии разработки сюжета, а не к периоду первичного наброска <...>. Роман задуман, как произведение большой формы. Творческий процесс состоял в осложнении фабулы семейного романа, идея которого достигла размеров философской проблемы. Социальный фон, охватив все стороны общественной жизни, превратился в центральную идею, подчинив себе остальные <...>. Обстоятельства личной жизни обострили интерес к семейной проблеме <...>. Основной прием в построении романа: раздвигание рамок в область предыстории первичного замысла, переход от кульминации к завязке. В творческом процессе нет места свободной прихоти фантазии художника, каждая перестройка целеустремленна, вытекает из логического хода действия». Жданов также отмечал, что с того момента, как в пространство будущего романа попали, одна за другой, три темы — Левина, Анны и Облонских, — действие в нем стало развиваться «тремя концентрическими кругами с единым центром — семейной проблемой» [18, л. 7, 8, 14, 9].

> Я, разумеется, ни в какой мере не могу возражать против критики моей работы, и ее *не нужно*[12] выбрасывать; я лишь, естественно, недоумеваю, почему Вы так односторонне сурово расценили всю мою работу.
>
> Желаю искренно Вам успеха. Не сомневаюсь в том, что работа Ваша очень интересна [17].

Следует заметить, что и во всех поздних собраниях сочинений Толстого, в том числе адресованных широкому читателю, комментаторы «Анны Карениной» принимали точку зрения Жданова, отдавая первенство именно «конспекту романа с фамилией Ставровичей», — такое решение приняли, в частности, Б.И. Бурсов и Э.Г. Бабаев в т. 9 Собрания сочинений писателя в 20 томах (1963). В редколлегию этого издания входил Гудзий, что свидетельствует о том, что он принял аргументацию своего многолетнего оппонента как имеющую право на закрепление в научной эдиционной практике, вероятнее всего не отказавшись от своего собственного взгляда, аргументированного не менее основательно, но примирившись с существованием другой исследовательской интерпретации. В окончательном и систематизированном виде она была представлена в 1970 г. в академическом издании текста романа, подготовленного Ждановым и Зайденшнур для серии «Литературные памятники».

После декабрьского письма 1942 г. в переписке корреспондентов вновь образовалась продолжительная пауза, прерванная письмом Жданова 10 февраля 1943 г., содержащим отклик на письмо Гудзия:

> Я несколько задержался с ответом на Ваше письмо. Оно очень взволновало и расстроило меня. Всего больше меня задело Ваше замечание по поводу тона моей критики 20 тома. Вот уж никак не думал, что можно сделать такой вывод из нее.
>
> Я никогда не задавался целью разносить Вашу работу. Мне только пришлось по ходу своего исследования коснуться ее, и то, что удалось нового найти, радовало меня как открытие, а не как критика ради критики. Свои замечания я рассматриваю как новый этап работы, всегда дающий и новые выводы, а не как разоблачение плохой работы. Такого вывода никак нельзя

12 Здесь и далее курсивом мы передаем подчеркивания и другие виды авторских маркировок текста. — *М.Ф.*

сделать. В «Предисловии», к<отор>ое я Вам не посылал, много говорится об академических изданиях и по поводу Толстого отмечено, что состояние его рукописей и ограниченные сроки не давали редакторам возможности с необходимой тщательностью анализировать текст, выбирать варианты и т. п. — в противоположность, например, «Мертвым душам», где ревизовалось каждое слово по всем редакциям. Из этого ясно, что недостатки 20 тома — не недостатки редактора, а всей работы издания в целом, что публикацией там новых текстов не исчерпывается работа текстолога и исследователя; новые изыскания откроют новые данные и отметят вкравшиеся ошибки.

Может быть, без этого предисловия и создалось у Вас неправильное представление. Я сознательно ничего по этому поводу не говорил Александру Ивановичу, ожидая его впечатления. А он ни разу не коснулся этого вопроса, не найдя в моих замечаниях очевидно ничего выходящего за пределы самых безобидных академических проблем. Но если бы он почувствовал неправильный тон, то, я уверен, как очень к Вам расположенный, безусловно, сказал бы мне.

У Вас создалось такое впечатление, и я не могу безразлично пройти мимо него. Думаю, что неясность или неудачные мои выражения могли породить его, и я обязательно в соответствующих местах изменю текст <…>.

В течение многих лет я чувствовал большую благодарность к Вам за отношение, которое встречал с Вашей стороны. Вы единственный из нашего круга всегда деятельно хорошо ко мне относившийся. Вы много, очень много помогли мне, и в Вас я всегда видел опору, поддержку против того недоброжелательства, к<отор>ое и Вам было известно.

И в отношении именно Вас я никогда бы не согласился сыграть роль «молодца», ради собственной карьеры разбивающего, разоблачающего, преодолевающего старые авторитеты.

Я увлекся новыми открытиями, к<отор>ые с восторгом обнаруживал, но мне всегда немного мешало, что приходится полемизировать с Вами. И теперь это обстоятельство лишает работу большей доли ее прелести.

Как только будут экземпляры тезисов, я пришлю их Вам. Жалею постоянно, что никак не могу прислать всей работы [18, л. 3–4 об.].

8 марта Гудзий ответил на письмо Жданова, и его послание выражало примирительную позицию по отношению к той дискуссии, которая

впоследствии, время от времени, будет с новой силой развиваться и осложнять общение:

> Вернувшись из Москвы, куда я ездил на 10 дней, застал Ваше письмо.
>
> Разумеется, я нисколько не сомневаюсь в Ваших добрых чувствах ко мне, которые вполне соответствуют взаимному моему расположению к Вам, но все же я продолжаю думать, что формально, стилистически, если хотите, Вы выбрали не такую форму полемики со мной, которая отражала бы по существу справедливое отношение к проделанной мной работе.
>
> Но психологически Вас — открывателя новых истин — я понимаю и уверен, что объективно Вы не собирались меня дискредитировать. Наши отношения останутся все такими же добрыми и приятельскими. Инцидент исчерпан. В научной ценности Вашей диссертации я ни на минуту не сомневаюсь, о чем и написал А.И. Белецкому. В Москве мне приятно было встретиться с Эвелиной Ефимовной [17].

17 марта 1943 г. в Томском государственном университете состоялась защита кандидатской диссертации Жданова «Творческая история “Анны Карениной”. Раздел I: От замысла к сюжету». Вскоре, 28 марта, он отправил Гудзию тезисы своей работы, сопроводив их следующим письмом:

> Благодарю Вас за доброе письмо. Оно очень приятно мне было. Я даже повеселел после него.
>
> 17/III была защита моей диссертации. Прошла очень хорошо. Думаю, что даже не заслужил тех похвал, которые услыхал <...>.
>
> Посылаю Вам тезисы. Может быть, Вам интересно будет прочитать их.
>
> Продолжаю очень жалеть, что нет никакой возможности показать Вам всю работу. Я ее продолжаю — с прежним интересом [18, л. 6][13].

13 О том, как прошла защита диссертации, Гудзию сообщил также и Белецкий в письме от 3 мая: «Диспут В.А. Жданова прошел благополучно: кстати, в тексте его работы, который был у меня, нет ничего, что так или иначе могло поселить у читателя мысль о каких-нибудь твоих “ошибках” насчет “Анны Карениной”. В.А. Жданов понравился мне (раньше ведь я его не знал, до Томска) своим трогательно-нежным отношением к тебе — и мы оба — он в своем вступительном слове, я в рецензии, могу сказать, славили тебя за твои “толстовские” подвиги <...>. А о Жданове помни, что он тебе искренне предан» [14, л. 23 об.].

Гудзий нашел время подробно познакомиться с содержанием тезисов работы Жданова, и 9 апреля отправил ему письмо с отзывом:

> От души поздравляю Вас с защитой Вашей очень содержательной диссертации, которая на фоне обычных кандидатских диссертаций, судя по тезисам, значительно выделяется тонкостью и самостоятельностью наблюдений, новизной и содержательностью суждений. Желаю Вам и докторскую диссертацию написать столь же солидно и интересно, как Вы написали кандидатскую <...>.
>
> Когда представится возможность, я с удовольствием прочту Вашу работу. Тезисы Ваши очень подробны, дают достаточное представление о размахе работы, но соглашаться с Вами или полемизировать, основываясь только на них, было бы очень трудно.
>
> Смущает меня *Введение* к Вашим тезисам, подчеркивающее очень решительно слабость работы Ваших предшественников. Неужели так уж все «имеющиеся книги о творческом опыте классиков по своему содержанию мало удовлетворительны, и тема творческой истории почти не затронута»? Сомневаюсь, чтобы это было так в отношении классиков русских вообще. Да и о Толстом в этом плане все-таки кое-что сделано [17][14].

Подобная оценка Жданова не могла восприниматься иначе Гудзием, за плечами которого был не только т. 20 Юбилейного собрания сочинений писателя (1939), ставший краеугольным камнем дискуссии о тексте и творческой истории «Анны Карениной»[15], но также и упоминавшиеся ранее т. 27 и т. 32 (1936), для которых ученым были подготовлены тексты романа «Воскресение», повести «Крейцерова соната», комедии «Плоды просвещения», рассказа «Франсуаза» и ряда других произведений, а также комментарии

14 Ср. в тезисах, а именно во «Введении», которое упоминает и цитирует Гудзий в письме: «Архивное состояние наследства Л.Н. Толстого в смысле научном настолько неудовлетворительно, что аппарат академического издания не может ответить на запросы исследователей, и необходима дополнительная текстологическая работа. Имеющиеся книги о творческом опыте классиков по своему содержанию мало удовлетворительны, и тема творческой истории остается еще почти не затронутой. В отношении Толстого предлагаемое издание является первой попыткой» [18, л. 7].

15 Напомним, что эту работу, аргументация и система построения которой безоговорочно была одобрена В.Г. Чертковым, М.А. Цявловским, Н.Н. Гусевым и др., Гудзию поручили в апреле 1934 г. [23, л. 23–24].

к ним. Более того, одновременно с упомянутыми томами вышла в свет книга Гудзия «Как работал Толстой» (1936), которая, пусть и в популярной форме, но весьма обстоятельно освещала проблемы творческой истории произведений писателя, более того — применительно именно к сохранившемуся архивному наследию. Поэтому и мы не можем, вслед за Гудзием, не отметить несоответствие тех оценок и рассуждений Жданова, которые содержат его письма к Гудзию, тем категорическим выводам и утверждениям, которые мы находим в его печатных трудах.

Жданов откликнулся на сетования Гудзия 1 мая:

> Благодарю Вас очень за теплое, очень лестное для меня поздравление. Ваша оценка, как первого специалиста по «А<нне> К<арениной>», мне особенно приятна.
>
> Когда придет время, мы с Вами подробно обо всем поговорим. Пока отвечу кратко на Ваше замечание о моих оценках книг о творческой лаборатории. Я прочитал, кажется, все, и мало из них отвечало на те вопросы, к<отор>ые мною поставлены. Привел несколько примеров — и положительных и отрицательных. О русских классиках отметил как противоположности Вашу о Толстом и Ашукина о Некрасове. О Вашей сказано, что «благодаря насыщенности конкретным содержанием, анализом рукописей она долго не потеряет своего значения»[16].
>
> Вы, очевидно, скоро вернетесь домой, о моем отъезде, думаю, и речи пока быть не может. За 2 года жизни здесь сошелся только с Алекс<андром> Ивановичем. Если он уедет отсюда, то не с кем будет и слова сказать. Из нашего литературного мира никого в Томске нет больше [19, л. 12–13].

16 мая Гудзий сообщал Жданову о своих планах:

> Я убежден в том, что Вы написали очень хорошую работу об «А<нне> К<арениной>» и желаю Вам скорейшего ее опубликования <...>.
>
> Как я завидую тому, что Вы хозяин всего рукописного богатства Т<олсто>го! Сейчас я работаю (очень мало) над «Войной и миром». И как

16 Этих слов, имевшихся, по всей видимости, в полном тексте диссертации, в тезисах работы Жданова мы не нашли. Им упомянут, помимо книги Гудзия, труд Н.С. Ашукина «Летопись жизни и творчества Н.А. Некрасова» (1935).

мне нужны были бы ее рукописи! Под руками у меня лежит корректурный 13-й том (1-й и 2-й т.т. «В<ойны> и М<ира>», варианты рукописные), но и в нем, как и в моем издании черновиков «А<нны> К<арениной>», есть много несовершенного.

26-го со своим факультетом собираюсь в Москву [17].

Летом 1943 г. Жданов намеревался поступить в докторантуру Института мировой литературы АН СССР, о чем свидетельствует его письмо от 5 августа 1943 г. В этом академическом институте Гудзий в 1938–1941, 1943–1947 гг. руководил отделом древнерусской литературы и литературы XVIII в., а находясь в эвакуации, работал по плану ИМЛИ, эвакуированного в Ташкент [1, с. 425]:

Слыхал по радио, что Президиум Ак<адемии> Наук открыл прием в докторскую аспирантуру. Срок 1 сентября. Меня очень соблазнила эта перспектива, и я решил подать заявление. Очевидно, будет конкурс.

Пожалуйста, если сочтете возможным, напишите мне рекомендацию, к<отор>ую <я> приложу к своим бумагам. Ал<ександр> Ив<анович> тоже дает. Думаю, что это сыграет большую, если не решающую роль. Заявление я посылаю через Музей. Позвоните Эв<елине> Еф<имовне>, и к Вам пришлют <...>. Тема моя та же: творч<еская> ист<ория> «А<нны> К<арениной>» [19, л. 15].

Гудзий в письме от 26 августа, отправленном уже из Москвы, отсоветовал Жданову поступать в докторантуру. Очевидно, для этого у него были серьезные причины, основанные на личном опыте, но, не имея для комментирования этого эпизода достаточных сведений, ограничимся цитированием ответного письма:

К сожалению, я не в силах помочь Вам в деле докторантуры. Дело в том, что И<нститу>ту мировой литературы предоставлена всего лишь одна вакансия — по древней русск<ой> лит<ературе> или XVIII в.

Сам я отношусь к этому институту довольно прохладно. Объективно вряд ли соответствующие инстанции пришли бы к Вам на помощь, принимая во внимание, в общем, благоприятные условия Вашей работы,

целиком связанной с рабочей обстановкой, над рукописями. Вам легче, чем кому-либо другому, написать докторскую диссертацию в условиях Вашей работы, целиком связанной с процессом подготовки диссертации. Вообще же докторантура что-то вроде инкубатора, без которого лучше обходиться [17].

К мнению Гудзия Жданов, очевидно, прислушался, что подтверждает письмо от 7 сентября 1943 г.:

Только что получил Ваше письмо и книгу. Спасибо большое за подарок. Мне очень приятно было увидеть Ваше имя на книге. Я обрадовался, что именно Вы сделали ее, и в какое трудное время жизни на чужбине[17].

По поводу докторантуры писала мне и Э<велина> Е<фимовна> после разговора с Вами. Я вполне согласен с Вашими доводами и не буду подавать [19, л. 16 об.][18].

В 1944 г. Жданов и Зайденшнур воссоединились в Томске, одновременно обретя статус супружеской пары. Эвелина Ефимовна защитила кандидатскую диссертацию под названием «Русский фольклор в творчестве Л.Н. Толстого 1850-х — 1870-х гг.», ее оппонентами были Гудзий и Гусев [12, с. 425]. За внимание и интерес, проявленные Гудзием к ее работе, Зайденшнур благодарила его в письме от 12 декабря 1944 г.:

...по свойственной мне, хотя и не по возрасту уже, застенчивости, я не умею в разговоре поблагодарить и высказать все так, как хотелось бы. Вот и приходится прибегать к форме письма.

17 Гудзий отправил в подарок Жданову свою книгу «Лев Толстой» (1943), незадолго до того вышедшую в свет.

18 Отголосок московской встречи Зайденшнур и Гудзия содержит письмо Белецкого к нему от 25 октября: «Э.Е. Зайденшнур несколькими словами помогла мне вообразить тебя в Москве, среди книг и чудесных картинок, в кабинете, где мы когда-то пивали вино, где обряжал ты когда-то протопопа Аввакума для вывода его в свет, где просматривались и правились переписанные листы истории древнерусской литературы — для книги, открывшей эту литературу советской молодежи» [14, л. 31–31 об.]. В письме упоминаются две книги, подготовленные Гудзием, «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное и другие его сочинения», вышедшее в издательстве «Academia» в 1934 г., и первое издание учебника «История древней русской литературы», опубликованное в 1938 г.

> Мне очень хочется искренно от всего сердца поблагодарить Вас за то, что, несмотря на Вашу страшную занятость, Вы взяли на себя скучный труд прочесть мою скромную работу. Ваша высокая оценка[19] ее не только лестна для меня, но очень, очень почетна [20, л. 4].

Весной 1945 г. Гудзий серьезно заболел. Одним из посланий друзей ученого, пытавшихся поддержать его в трудную минуту, стало письмо Зайденшнур от 6 июня, адресованное сестре Гудзия, Анне Каллиниковне:

> Такие принципиальные, честные, глубоко порядочные и просто очень хорошие люди, как Николай Каллиникович, непременно должны жить и работать как можно дольше. Это очень, очень важно. Шлю ему самые искренние пожелания скорого и полного выздоровления [20, л. 7 об. – 8].

На этом письме обрывается та часть выявленного корпуса переписки, которая относится к военному периоду общения ученых. О том, как складывались их судьбы, в каких обстоятельствах они продолжали свою работу, как развивались их отношения — от крепкого человеческого и научного союза, в борьбе с бюрократией и чиновничьим произволом преодолевавшего препоны писательского, издательского, партийного и академического начальства, до непримиримого научного спора, ценой которого стало прекращение личного общения, — будет рассказано во второй части работы.

19 Речь идет об отзыве Гудзия, датированном 10 декабря 1944 г. Процитируем фрагмент этого примечательного документа: «Тема диссертации Э.Е. Зайденшнур заслуживает всяческого одобрения. Фольклор, особенно русский, занимает в творчестве Толстого такое существенное место и настолько является у него излюбленным, что сама собой напрашивается задача подвергнуть подробному обследованию как отношение Толстого к многообразным видам русского фольклорного материала, так и использование этого материала в его творчестве и в педагогической практике. А между тем до сих пор в этом отношении сделано чрезвычайно мало вообще; что же касается первых десятилетий творческой работы Толстого, то, можно сказать, тут и вовсе ничего не сделано, и труд Э.Е. Зайденшнур, таким образом, от начала и до конца является вполне самостоятельным, основанным всецело на изучении первоисточников, притом не только печатных, но и всех доступных автору рукописных <...>. Все, что сделано Э.Е. Зайденшнур, сделано с большой тщательностью, с предельной, иногда даже избыточной полнотой, с прекрасной осведомленностью в материале и большой заботливостью о внешнем оформлении работы» [16, л. 1].

Список литературы

Исследования

1 *Артамонов Ю.А.* Гудзий Николай Каллиникович // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2006. Т. 13: Григорий Палама — Даниэль-Ропс. С. 424–426.

2 Библиография трудов Н.К. Гудзия / сост. А.К. Гудзий, В.И. Зайцев, А.Н. Робинсон // Воспоминания о Н.К. Гудзии. М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 1968. С. 150–182.

3 *Гудзий Н.* Толстой и Лесков // Искусство. 1928. Т. 4. Кн. 1–2. С. 95–128.

4 *Гудзий Н.* Толстой о русской литературе // Эстетика Льва Толстого: сб. ст. / под ред. П.Н. Сакулина. М.: ГАХН, 1929. С. 185–239.

5 *Гудзий Н.К.* Молодой Толстой и цензура (Цензурная история рассказа «Севастополь в мае 1855 г.» // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь: [Б. и.], 1928. Т. 2 (59) / под ред. Н.Л. Эрнста. С. 55–57.

6 *Жданов В.А.* Из творческой истории «Крейцеровой сонаты» // Толстой-художник: сб. ст. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 260–288.

7 *Жданов В.А.* Творческая история «Анны Карениной»: Материалы и наблюдения. М.: Сов. писатель, 1957. 268 с.

8 *Жданов В.А.* Творческая история повести «Отец Сергий» // Ученые записки Горьковского университета. 1963. Т. 60. Вып. 5. С. 75–98.

9 *Жданов В.А.* Творческая история романа Л.Н. Толстого «Воскресение». М.: Сов. писатель, 1960. 450 с.

10 *Зайденшнур Э.Е.* История писания и печатания «Войны и мира» // *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: ГИХЛ, 1955. Т. 16: Несколько слов по поводу книги «Война и мир»; Комментарии. С. 19–141.

11 *Зайденшнур Э.Е.* Портрет Катюши Масловой: К лаборатории творчества Толстого // Сборник Толстовского музея. М.: Гослитиздат, 1937. С. 287–294.

12 *Зайденшнур Э.Е.* «Я поступила в музей в марте 1924 г.» / публ. О.А. Голиненко и Б.М. Шумовой // Неизвестный Толстой в архивах России и США. М.: ТЕХНА-2, 1994. С. 425–433.

13 *Фролов М.А.* Н.К. Гудзий в Государственной Академии Художественных Наук: К истории сотрудничества. Часть 2: 26 ноября 1924 года – 7 декабря 1928 года // Русская литература. 2023. № 3. С. 30–65. DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-30-65

Источники

14 *Белецкий А.И.* Письма к Гудзию Н.К. 1940–1948 гг. // ОР РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 17. Ед. хр. 3.

15 *Брейтбург С.М.* Письма к Гудзию Н.К. 1942 г. // ОР РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 18. Ед. хр. 50.

16 *Гудзий Н.К.* Отзыв о диссертации Э.Е. Зайденшнур «Русский фольклор в творчестве Л.Н. Толстого 1850-х – 1870-х гг.». 10 декабря 1944 г. // ОР РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 7. Ед. хр. 29.

17 *Гудзий Н.К.* Письма к Жданову В.А. 1942–1957 гг. // ОР ГМТ. Ф. 68. Кп. 23246. Кор. 17.

18 *Жданов В.А.* Письма к Гудзию Н.К. 1942–1957 гг. // ОРКиР НБ МГУ. Ф. 7. К. 5. Оп. 2. Ед. хр. 106.

19 *Жданов В.А.* Письма к Гудзию Н.К. 1942–1962 гг. // ОР РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 25. Ед. хр. 19.

20 *Зайденшнур Э.Е.* Письма к Гудзию Н.К. 1941, 1944 гг., к Гудзий А.К. 1945 г. // ОРКиР НБ МГУ. Ф. 7. К. 5. Оп. 2. Ед. хр. 111.

21 Литературное наследство. М.: Наука, 1983. Т. 94: Первая завершенная редакция романа «Война и мир» / подгот. к печати и вступ. ст. Э.Е. Зайденшнур; в подгот. тома принимали участие К.П. Богаевская и О.А. Голиненко. 788 с.

22 Протоколы заседаний Редакторского комитета Юбилейного издания Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого за январь–ноябрь 1931 г. // ОР РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 9. Ед. хр. 13.

23 Протоколы заседаний Редакторского комитета Юбилейного издания Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого за февраль–ноябрь 1932 г., январь, февраль, декабрь 1933 г., февраль–декабрь 1934 г. // ОР РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 9. Ед. хр. 14.

24 *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: ГИХЛ, 1939. Т. 20: Анна Каренина. Черновые редакции и варианты. 684 с.

References

1 Artamonov, Iu.A. "Gudzii Nikolai Kallinikovich" ["Gudziy Nikolai Kallinikovich"]. *Pravoslavnaia Entsiklopediia* [*Orthodox Encyclopedia*], vol. 13: Grigorii Palama — Daniel'-Rops [Gregory Palamas — Daniel-Rops]. Moscow, Church and Scientific Center "Orthodox Encyclopedia" Publ., 2006, pp. 424–426. (In Russ.)

2 "Bibliografiia trudov N.K. Gudziia" ["Bibliography of N.K. Gudzii's Works"], comp. A.K. Gudziy, V.I. Zaitsev, and A.N. Robinson. *Vospominaniia o N.K. Gudzii* [*Memories About N.K. Gudzii*]. Moscow, Moscow State University Publ., 1968, pp. 150–182. (In Russ.)

3 Gudzii, N. "Tolstoi i Leskov" ["Tolstoy and Leskov"]. *Iskusstvo*, vol. 4, no. 1–2, 1928, pp. 95–128. (In Russ.)

4 Gudzii, N. "Tolstoi o russkoi literature" ["Tolstoy About Russian Literature"]. *Estetika L'va Tolstogo: sbornik statei* [*Aesthetics of Leo Tolstoy: Collection of Articles*]. Moscow, Gosudarstvennaia akademiia khudozhestvennykh nauk Publ., 1929, pp. 185–239. (In Russ.)

5 Gudzii, N.K. "Molodoi Tolstoi i tsenzura (Tsenzurnaia istoriia rasskaza 'Sevastopol v mae 1855 g.')" ["Young Tolstoy and Censorship (Censorship History of the Story 'Sevastopol in May 1855')"]. *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii* [*Bulletin of the Tauride Society of History, Archeology, and Ethnography*], vol. 2 (59), ed. by N.L. Ernst. Simferopol, [S. n.], 1928, pp. 55–57. (In Russ.)

6 Zhdanov, V.A. "Iz tvorcheskoi istorii 'Kreitserovoi sonaty'." ["From the Creative History of the 'Kreutzer Sonata'."] *Tolstoi-khudozhnik: sbornik statei* [*Tolstoy the Artist: Collection of Articles*]. Moscow, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1961, pp. 260–288. (In Russ.)

7 Zhdanov, V.A. *Tvorcheskaia istoriia "Anny Kareninoi": Materialy i nabliudeniia* [*The Creative History of "Anna Karenina": Materials and Observations*]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1957. 262 p. (In Russ.)

8 Zhdanov, V.A. "Tvorcheskaia istoriia povesti 'Otets Sergii'." ["The Creative History of the Story 'Father Sergius'."]. *Uchenye zapiski Gor'kovskogo universiteta*, vol. 60, issue 5, 1963, pp. 75–98. (In Russ.)

9 Zhdanov, V.A. *Tvorcheskaia istoriia romana L.N. Tolstogo "Voskresenie"* [*The Creative History of the Novel "Resurrection" by L.N. Tolstoy*]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1960. 450 p. (In Russ.)

10 Zaidenshnur, E.E. "Istoriia pisaniia i pechataniia 'Voiny i mira'." ["History of Writing and Printing 'War and Peace'."]. Tolstoi, L.N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t.* [*Complete Works: in 90 vols.*], vol. 16: Neskol'ko slov po povodu knigi "Voina i mir"; Kommentarii [A Few Words About the Book "War and Peace"; Comments]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1955, pp. 19–141. (In Russ.)

11 Zaidenshnur, E.E. “Portret Katiushi Maslovoi: K laboratorii tvorchestva Tolstogo” [“Portrait of Katyusha Maslova: To Tolstoy’s Laboratory”]. *Sbornik Tolstovskogo muzeia* [*Collection of the Tolstoy Museum*]. Moscow, Gosliizdat Publ., 1937, pp. 287–294. (In Russ.)

12 Zaidenshnur, E.E. “Ia postupila v muzei v marte 1924 g.” [“I Entered the Museum in March 1924”], publ. by O.A. Golinenko and B.M. Shumova. *Neizvestnyi Tolstoi v arkhivakh Rossii i SShA* [*Unknown Tolstoy in the Archives of Russia and the USA*]. Moscow, TEKhNA-2 Publ., 1994, pp. 425–433. (In Russ.)

13 Frolov, M.A. “N.K. Gudzii v Gosudarstvennoi Akademii Khudozhestvennykh Nauk: K istorii sotrudnichestva. Chast’ 2: 26 noiabria 1924 goda – 7 dekabria 1928 goda” [“N.K. Gudziy at the State Academy of Art Sciences: The History of Cooperation. Part 2: November 26, 1924 – December 7, 1928”]. *Russkaia literatura*, no. 3, 2023, pp. 30–65. DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-30-65 (In Russ.)